

TJ KLUNE

UNDER
THE
WHISPERING
DOOR

ТИ ДЖЕЙ КЛУН

ПОД
ШЕПЧУЩЕЙ
ДВЕРЬЮ

LIKE
BOOK

Москва
2023

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К51

TJ Klune
UNDER THE WHISPERING DOOR

Copyright © 2021 by TJ Klune
Cover design © Red Nose Studio

Перевод с английского *Ольги Солнцевой*

Клун, Ти Джей.

К51 Под шепчущей дверью / Ти Джей Клун ; [перевод с английского О. Солнцевой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-171561-8

Добро пожаловать на «Переpravу Харона».
Горячий чай, свежие булочки и шепотка мертвых душ.

Когда Жнец пришел забрать Уоллеса с его собственных похорон, тот начал подозревать, что мертв. А когда Хьюго, владелец необычной чайной лавки, пообещал помочь ему переправиться из одного мира в другой, Уоллес наконец-то понял, что его определенно нет в живых.

Но даже после смерти ему не хотелось отказываться от своей земной, пусть и не очень интересной жизни. Ему дают ровно неделю на переход. И Уоллес намерен провести эти семь дней так, как всегда мечтал.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Солнцева О., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-171561-8

*Посвящается Эрику
Надеюсь, ты проснулся
в каком-нибудь интересном месте.*

Автор предупреждает
*В этой истории исследуются жизнь и любовь,
равно как потеря и горе.
Речь здесь идет о разных видах смерти — тихой
смерти, внезапной смерти, самоубийстве.
Пожалуйста, читайте с осторожностью.*

ГЛАВА

1

Патрисия плакала.

Уоллес Прайс ненавидел, когда люди плачут.

Неважно, делают они это тихо, громко или же рыдания сотрясают их с головы до ног.

Слезы бесполезны и лишь отсрочивают неизбежное.

— Как вы узнали? — спросила она. Ее щеки были мокрыми, и она потянулась к коробке с бумажными салфетками. Grimасу на его лице она не заметила. И это, вероятно, было к лучшему.

— А как я мог не узнать? — Он скрестил руки на дубовом столе, офисное кресло скрипнуло, когда он устраивался на нем для лицезрения того, что, как он был уверен, обернется неубедительным спектаклем. При этом он старался не обращать внимания на вонь хлорки и средства для чистки стекол. Ночная уборщица, вероятно, что-то пролила в его кабинете, и амбре было сильным и приторным. Уоллес отметил для себя, что следует уведомить всех, что он крайне чувствителен к запахам и не способен работать в подобных условиях. Прямо-таки варварских.

Жалюзи на окнах были плотно закрыты и не пропускали полуденного солнца, кондиционер работал во всю свою мощь, и это держало Уоллеса в тонусе. Три года назад кто-то попросил выста-

вить термостат на двадцать градусов. И он только рассмеялся в ответ. Тепло — основа лени. Когда тебе холодно, ты не можешь не двигаться.

Его фирма работала как хорошо смазанный механизм, продуктивный и самодостаточный, ни в чем не испытывающий нужды — то есть именно так, как любил Уоллес. Он не достиг бы подобного результата, если бы ему приходилось контролировать каждого сотрудника. Хотя, разумеется, он пристально следил за всеми и вся, и его подчиненные знали, что им необходимо работать так, будто от этого зависит их жизнь. Клиенты были для него самыми главными людьми на свете. И когда он велел прыгать, то ожидал, что все, для чьих ушей это предназначено, будут прыгать, не задавая неуместных вопросов вроде *как высоко?*

Он вернулся мыслями к Патрисии. Механизм сломался, и хотя никто не безупречен, Уоллесу необходимо было заменить неисправную деталь на новую. Он вложил слишком много сил в свое дело и не мог допустить, чтобы где-то случился сбой. Прошедший год был самым удачным в истории фирмы. А нынешний должен оказаться еще лучше. Неважно, в каком состоянии пребывает мир: всегда есть на кого подать в суд.

Патрисия высморкалась.

— Я не думала, что это имеет для вас какое-то значение.

Он посмотрел на нее:

— Почему вы так решили?

Патрисия слабо улыбнулась:

— Вы не такой человек.

Он рассердился. Как смеет она говорить нечто подобное, особенно своему боссу? Десять лет назад, когда она проходила собеседование на должность младшего юриста, он не думал, что одобрение ее кандидатуры вот так аукнется ему. Она была девушкой жизнерадостной, и Уоллес не сомневался, что со временем это ее качество поблекнет, она поймет, что юридическая фирма — не то место, где можно радоваться жизни. Как же он ошибался.

— Конечно, я...

— В последнее время мне приходилось *трудно*, — сказала она так, будто он молчал. — Я пыталась держать все в себе, но от вас же ничего не скроешь.

— Вот именно, — отозвался он, пытаясь вернуть разговор в нужное русло. Чем скорее он покончит с этим, тем лучше будет для них обоих. Патрисия в конце концов согласится с ним. — А теперь, если бы вы...

— А вам *не все равно*, — упорно продолжала она. — Я знаю это. Поняла в тот самый момент, когда вы в прошлом месяце подарили мне на день рождения такой красивый букет. Я поняла, что вы пытались этим сказать. Что вы цените меня. А я, в свою очередь, ценю вас, мистер Прайс.

До него не доходило, о чем она. Он ничего ей не дарил. Должно быть, это сделала его помощница. А сам он собирался только переговорить с Патрисией. И в цветах не было нужды. Зачем? Поначалу они красивые, но потом умирают, листья и лепестки сморщиваются и засыхают; если цветов не дарить, всего этого мусора не будет. Подумав об этом, он взял свою невероятно дорогую авторучку и написал записку-напоминание (ИДЕЯ ДЛЯ РАССЫЛКИ: РАСТЕНИЯ — ЭТО УЖАСНО, ОНИ НИКОМУ НЕ НУЖНЫ). Не поднимая глаз, он произнес:

— Я вовсе не пытался...

— Кайла уволили два месяца назад, — сказала она, и у него ушло больше, чем он готов был признать, времени на то, чтобы сообразить, о ком она говорит. Кайл был ее мужем. Уоллес виделся с ним на одном корпоративном мероприятии. Кайл был изрядно нетрезв, поскольку с удовольствием налегал на шампанское, которым «Мур, Прайс, Хернандес & Уортингтон» поила сотрудников и гостей по поводу завершения еще одного удачного года. Кайл, с пылающим от выпивки лицом, потчевал собравшихся какой-то длинной историей, смысла которой Уоллес и не пытался уловить, тем более что Кайл, по всей видимости, считал способность говорить громко и с преувеличениями необходимым качеством рассказчика.

— Мне очень жаль, — холодно бросил он, перекладывая с места на место телефон. — Но мне кажется, мы должны сосредоточиться на деле...

— У него не получается найти другую работу, — пожаловалась Патрисия, комкая одну салфетку и беря другую. Она вытерла

глаза, макияж размазался по лицу. — И это случилось в самое неподходящее время. Наш сын летом женится, и мы должны оплатить половину свадьбы. Не знаю, как мы с этим справимся, но что-нибудь да придумаем. Как и всегда. Это просто еще один ухаб на нашей многотрудной дороге.

— Примите мои поздравления, — ответил Уоллес. Он понятия не имел, что у нее есть дети, поскольку не вникал в личную жизнь своих сотрудников. Дети отвлекали от работы, и ему это не нравилось. Из-за них работники тратили уйму времени на всяческие утренники и болезни, так что коллегам приходилось подменять их. И раз уж, по утверждению отдела кадров, он был не вправе требовать от них безбрачия («Вы не можете сказать им, чтобы они просто завели собаку, мистер Прайс!»), то он часто имел дело с матерями и отцами, которые отпрашивались с работы ради того, чтобы прислушиваться к рвотным позывам детей или внимать визгливым песенкам о причудливой форме облаков и прочей бессмыслице.

Патрисия снова громко высморкалась, и от этого протяжного и невыносимо влажного звука у него по коже побежали мурашки.

— А кроме того, у нас есть дочь. Я думала, у нее нет цели в жизни и она кончит тем, что заведет десяток хорьков, но потом фирма любезно предложила ей стипендию, и она наконец определилась. Бизнес-школа — подумать только. Разве это не замечательно?

Он искоса взглянул на нее. Надо будет поговорить с партнерами. Он не знал, что они раздают стипендии. Да, они занимаются благотворительностью, но это сполна окупается налоговыми льготами. Он не понимал, какую отдачу можно получить от предоставления стипендии для обучения в столь нелепом заведении, как бизнес-школа, даже если это позволяет снизить налоговую базу. Дочь Патрисии захочет, вероятно, совершить нечто идиотское — открыть, например, ресторан или какую-нибудь некоммерческую организацию.

— Думаю, у нас с вами разные представления о том, что замечательно, а что нет.

Она кивнула, но он не думал, что она услышала его.

— Эта работа очень важна для меня, особенно сейчас. Мы здесь как одна большая семья. Поддерживаем друг друга, и я вряд ли достигла бы чего-то без этой поддержки. И вот вы почувствовали, что у меня неприятности, и пригласили сюда, чтобы я могла выговориться, и это значит для меня больше, чем вы можете себе представить. Мне плевать, что о вас говорят, мистер Прайс. Вы хороший человек.

И что, интересно, это значит?

— И что обо мне говорят?

Она побледнела.

— О, ничего плохого. Сами знаете. Вы основали эту фирму. Ваше имя значится на фирменном бланке. И это... потрясающе.

Уоллес расслабился. Ему стало лучше.

— Да, ну, я полагаю...

— То есть да, кое-кто утверждает, что вы можете быть холодным и расчетливым, и если не получаете немедленно, чего хотите, то так сильно повышаете голос, что всем становится страшно, но эти люди не чувствуют вас так, как чувствую я. Я знаю, что за фасадом дорогих костюмов скрывается отзывчивый человек.

— За фасадом, — повторил за ней он, довольный тем, что она восхищается его чувством стиля. Его костюмы действительно были роскошными. Самыми лучшими. Вот почему памятка для новых сотрудников включала детальный список «правильной», по его мнению, одежды. Хотя он не требовал, чтобы все одевались в дизайнерские вещи (особенно учитывая кредиты, взятые на обучение), но все же, если кто-то носил одежду, несомненно, приобретенную на распродажах, его неминуемо ждал разговор о необходимости выглядеть достойно.

— Вы жесткий снаружи, но внутри вы маршмеллоу, — заявила она.

Его никто еще так не обижал.

— Миссис Райан...

— Пожалуйста, зовите меня Патрисией. Я много раз просила вас об этом.

Да, так оно и было.

— Миссис Райан, — твердо сказал он. — Я радуюсь вашей высокой оценке моей персоны, но мне кажется, нам есть что еще обсудить.

— Верно, — поспешила ответить она. — Конечно. Я знаю, вы не любите, когда вас хвалят. Обещаю, что не буду больше говорить вам комплименты. Мы ведь, в конце-то концов, встретились не для того, чтобы обсуждать вас.

Он почувствовал облегчение.

— Вот именно.

Губы у нее дрожали.

— Мы разговариваем обо мне и о том, что в последнее время мне приходится очень трудно. Вот почему вы вызвали меня к себе после того, как застали плачущей в кладовке.

Он подумал тогда, что она делает там инвентаризацию и у нее аллергия на пыль.

— Думаю, нам нужно перейти к...

— Кайл не прикасается ко мне, — прошептала она. — Вот уже несколько лет я не ощущаю его рук на своем теле. Я говорю себе, что такое бывает, если люди живут вместе очень долго, но боюсь, причина не только в этом.

Он вздрогнул.

— Не уверен, что допустимо...

— *Знаю!* — воскликнула она. — Это абсолютно недопустимо! Знаю, я работала по семьдесят часов в неделю, но разве это так уж много — просить мужа выполнять свой супружеский долг? Мы же *клялись* делать это.

Какой ужасной должна была быть их свадьба. Они наверняка праздновали ее в «Холидей Инн». Нет. Хуже того. В «Холидей Инн Экспресс». Он содрогнулся от этой мысли. Вне всяких сомнений, там было и караоке. Судя по тому, что он помнил о Кайле (а помнил он совсем немного), тот, скорее всего, пел мешанину из «Джорни» и «Уайтснейк», время от времени делая глоток того, что называл *пивасиком*.

— Но я не возражаю против сверхурочных, — гнула свое она. — Это часть работы. Я знала об этом, когда вы нанимали меня.

Ага! Лазейка!

— Кстати, если говорить о найме...

— Моя дочь сделала пирсинг в носу, — грустно покачала головой Патрисия. — И стала похожа на быка. Моя маленькая девочка хочет, чтобы за ней гонялся матадор и втыкал в нее всякие ужасные штуковины.

— Черт побери, — пробормотал Уоллес, проводя рукой по лицу. У него нет времени на все это. Через полчаса начнется собрание, к которому еще надо подготовиться.

— Знаю! — снова воскликнула Патрисия. — Кайл сказал, что это — составляющая взросления. И что мы должны позволить ей расправить крылья и совершить свои собственные ошибки. Но я и подумать не могла, что она вденет в нос это проклятое *кольцо*! И даже не спрашивайте меня о сыне.

— О'кей, — согласился Уоллес. — Не буду.

— Он хочет, чтобы еду на свадьбу поставляла «Эплбиз»!
«Эплбиз».

Во взгляде Уоллеса застыл ужас. Он не знал, что склонность к организации преотвратных свадеб передается по наследству.

Патрисия яростно кивнула:

— Будто мы можем позволить себе это. Деньги не растут на деревьях! Мы сделали все, чтобы дать нашим детям представление о том, что такое финансы, но когда ты молод, подобные вещи доходят до тебя с большим трудом. А теперь его невеста беременна, и он ждет помощи от нас. — Она театрально вздохнула. — Утром я способна встать с постели исключительно потому, что знаю: я приду сюда и... спрячусь от моих проблем.

Он почувствовал какое-то странное шевеление в груди и потерял ее. Похоже на изжогу. Не надо было есть чили.

— Я рад, что мы являемся для вас убежищем, но попросил вас о встрече не поэтому.

Она шмыгнула носом.

— О? — И снова улыбнулась. На этот раз еще радостнее. — А в чем же тогда дело, мистер Прайс?

Он сказал:

— Вы уволены.

Она моргнула.

Он ждал. Теперь до нее, несомненно, дошли его слова, и он сможет вернуться к работе.

Она огляделась вокруг, смущенно улыбаясь.

— Это какое-то реалити-шоу? — наконец рассмеялась она, и на ее лице появилась тень прежнего радостного возбуждения, которое, как он считал, давно уже должно было улечься. — Меня снимает скрытая камера? Сейчас кто-нибудь откуда-нибудь выскочит с криком *сюрприз*? И как называется шоу? *Вы уволены, но это неправда*?

— Очень в этом сомневаюсь, — ответил Уоллес. — Я не давал разрешения на съемку. — Он взглянул на сумочку на ее коленях. — И на запись *тоже*.

Ее улыбка слегка поблекла.

— Тогда я ничего не понимаю. Что вы хотите сказать?

— Я не знаю, как выразиться еще точнее, миссис Райан. С сегодняшнего дня вы больше не являетесь сотрудницей компании «Мур, Прайс, Хернандес & Уортингтон». Когда вы выйдете отсюда, охранники позволят вам собрать ваши вещи и выпроводят из здания. Отдел кадров в самом скором времени даст вам подписать заявление о... да как же это называется? — Он пролистал лежащие на столе бумаги. — Ах да. О пособии по безработице. Ведь даже будучи безработной, вы сможете присосаться к груди государства за счет уплаченных мною налогов. — Он покачал головой. — Так что в некотором смысле я продолжу платить вам. Хотя и немного. И не за работу. Потому что вы здесь больше не работаете.

Она больше не улыбалась.

— Я... что?

— Вы уволены, — медленно проговорил он, не понимая, почему ей так трудно понять очевидное.

— Почему? — требовательно спросила она.

Теперь они наконец-то вступили в диалог. Отвечать на вопросы *почему?* было коньком Уоллеса. Ничего, кроме фактов.

— Из-за экспертного заключения по делу Кортаро. Вы представили его спустя два часа после дедлайна. И оно было принято лишь потому, что судья Смит был кое-чем обязан мне, и даже *это* удалось мне с большим трудом. Я был вынужден напомнить ему, что видел его и его любовницу-няню в... впрочем, это неважно.

Вы могли лишить фирму нескольких тысяч долларов, не говоря уже об ущербе, который был бы нанесен нашему клиенту. Такие ошибки не прощают. Я благодарен вам за годы преданной работы в «Мур, Прайс, Хернандес & Уортингтон», но, боюсь, в ваших услугах мы больше не нуждаемся.

Она резко встала, кресло проскрипело по твердому деревянному полу.

— Я не опоздала с заключением.

— Опоздали, — спокойно возразил Уоллес. — Могу показать вам временную метку, сделанную в канцелярии, если вы того пожелаете. — Он постучал пальцами по лежащей на столе папке.

Ее глаза сузились. Но, по крайней мере, она больше не плакала. А с гневом Уоллес умел справляться. В его первый день в юридической школе ему сказали, что, хотя юристы и необходимы для функционирования общества, они, тем не менее, всегда вызывают чей-то гнев.

— Даже если я и предоставила его с опозданием, то такое произошло впервые за все годы моей работы здесь. В первый и в последний раз.

— И теперь вы можете расслабиться и не бояться, что нечто подобное повторится, — сказал Уоллес. — Потому что вы здесь больше не работаете.

— Но... но как же мой *муж*? И мой *сын*? И моя *дочь*?!

— Ах да. Я рад, что вы затронули эту тему. Если мы платили вашей дочери стипендию, теперь мы ее, разумеется, аннулируем. — Он нажал кнопку на телефоне на столе. — Ширли? Отметь для отдела кадров, что дочь миссис Райан не получит больше от нас никаких денег. Я не знаю, как это делается, но уверен: они должны заполнить какую-то форму, которую я потом подпишу. Займись этим немедленно.

Раздался голос его помощницы:

— Хорошо, мистер Прайс.

Он посмотрел на свою бывшую сотрудницу.

— Вот так. Понятно? Все учтено. А теперь, прежде чем вы уйдете, я хотел бы напомнить вам, что мы профессионалы. Вам нет нужды кричать, или кидаться вещами, или угрожать, потому что это, вне всякого сомнения, будет классифицировано как тяжкое